

Х-Д. Эверс

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА, НЕТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО* И НЕФОРМАЛЬНЫЙ СЕКТОР: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ ПО ТУ СТОРОНУ РЫНКА И ГОСУДАРСТВА**

I. Открытие теневой экономики

По ту сторону рынка и государства. Едва ли за последнее время какая-нибудь тема в дискуссии об «экономике и обществе» наделала столько шума и внесла столько путаницы, как очередное открытие теневой экономики. Как ни странно, авторы нескольких сборников констатируют, что имеются виды экономической деятельности, которые до сих пор не удавалось включить в общую систему народного хозяйства. Была постулирована «теневая экономика», или «underground economy», в которой все, что только можно себе представить, — от совершенно нормальных видов деятельности, неоплачиваемого женского труда в домохозяйстве до уклонения от налогов, нелегального труда и экономических преступлений — было слито в одну катего-

* В оригинале используется термин Subsistenzproduktion (от англ. subsistence production), переводимый как «нетоварное производство» [1]. Речь идет о производстве, направленном на обеспечение существования/выживания, по значению сближается и в дальнейшем иногда приравнивается к понятию «домашнее производство» — *прим. пер.*

** Печатается по: Evers, Hans-Dieter: Schattenwirtschaft, Subsistenzproduktion und informeller Sektor: Wirtschaftliches Handeln jenseits von Markt und Staat // Koelner Zeitschrift fuer Soziologie und Sozialpsychologie. Soziologie wirtschaftlichen Handelns / Hrsg. Klaus Heinemann. 1987. Sonderheft 28. S. 353-366.

Эверс Ханс-Дитер (1937 г.р.) — доктор социологии, профессор факультета социологии университета г. Билефельда (Германия).

E-mail: hdevers@uni-bielefeld.de

рию.* Целесообразным однако является остановиться сначала на научно-историческом контексте и таким образом определить для темы более широкие рамки. Одновременно следует внести понятийную ясность, насколько это вообще возможно при столь широкой трактовке феномена.

Итак, с самого начала следует определить центральные понятия. 1. «Теневая экономика» включает все виды экономической деятельности, которые не охвачены официальной статистикой и тем самым не поддаются требованиям государственного регулирования и вмешательства. 2. «Неформальный сектор» есть та часть теневой экономики, которая предлагает услуги или производит товар в небольших количествах, ориентируясь на рынок. 3. «Нетоварное производство» включает все виды деятельности, ориентированные на потребительную стоимость, на собственное потребление, вне экономических отношений рынка.

Включение дискуссии о теневой экономике в социологический дискурс. Теневая экономика является, следовательно, экономической сферой, которая пытается уклониться от государственного надзора, т.е. отделиться от государственной системы. В определенном смысле неформальный сектор является полюсом, противоположным государственному образованию и бюрократизации и в меньшей степени, как будет показано ниже, формальному сектору. Нетоварное производство может рассматриваться как сфера экономики, выходящая за пределы рыночной экономики (денег и генерализованного обмена). Каким представляется это основополагающее обстоятельство в свете социологических теорий?

Прежде всего возникает искушение связать аналитическое разделение формальной, официальной экономики, с одной стороны, и теневой экономики, с другой стороны, с тезисами дуализма, которыми с избытком наделена социология. Имеем ли мы здесь дело с известной в социологии организаций теоремой отношения напряженности между формальной организационной структурой и неформальными образцами поведения? Не является ли теневая экономика просто широкой сферой отклоняющегося поведения, которое может анализироваться с помощью соответствующих криминологических теорий? И не является ли контраст между ориентированными на потребительную стоимость экономикой нетоварного производства и производством, ориентированным на рынок, частным случаем для пары противоположностей «традиционное» versus «современное общество», «сообщество и общество» или же «жизненный мир и система»?

*Вопреки десятилетней дискуссии о так называемом «неформальном секторе», о «новой домашней экономике» и экономических преступлениях читатель этих статей, к своему полному удивлению, должен принять к сведению, что уже в 1977 г. (!) американский экономист П.М. Гутманн указывал на существование «subterranean economy» («подпольной экономики»), которая состояла примерно 10% американского ВВП, и что на эту тему также писал немецкий экономист Шмёлдерс (1980), употребляя понятие «теневая экономика» [2, S. 5]. Эти и подобные статьи [3, S. 11 и др.] обнаруживают со всей очевидностью дисциплинарную изоляцию экономических наук, которые пренебрегали историей и обстоятельствами научной разработки темы, которая актуализировалась теперь в понятии «теневой экономики».

Мы думаем, что это не так. Однако, чтобы это доказать, мы должны точнее разобраться с предметными областями: теневая экономика, неформальный сектор и нетоварное производство.

Эволюционистский предрассудок. Для всей сферы теневой экономики, неформального сектора и нетоварного производства характерен привкус нелегального или старинного, доиндустриального и, собственно, уже давно истекшего. Марксисты и структурные функционалисты долгое время были едины в том, что «экспроприация непосредственных производителей», или включение все больших сфер жизни в крупные формальные организации является неизбежным. Идущее вместе с тем обобществление наемного труда, сокращение неоплачиваемого семейного труда, пролетаризация крестьян и, в перспективе, исчезновение социальной классовой структуры в социалистическом или же в постиндустриальном обществе благосостояния были постулированы как неизбежная эволюционистская тенденция. Крайняя форма такого образа мышления воплощается в так называемом тезисе конвергентности, в котором была всеобъемлюще предсказана однородная индустриальная культура и общество.

Против этого тезиса уже довольно рано высказался Карл Поланьи (1978, впервые в 1944 г.) [4], который охарактеризовал установление саморегулирующегося рынка как «великую перемену (трансформацию)» в мировой истории, но не предоставлял этой редкой и вырождающейся форме социоэкономической организации долгосрочного шанса на выживание. Экономика, которая полностью разрешилась от социальных связей (он говорит о «dis-embedded»), является, по его мнению, саморазрушительной и обречена на гибель. Вопрос о том, могут ли тем самым работы Поланьи поколебать более новые тезисы об экономике, дифференцирующейся эволюционно как подсистема и аутопойэсис саморегулирующихся систем, пожалуй, остается неразрешенным.* Основопологающей для нашей темы остается в дальнейшем классификация экономического действия на реципрокность, редистрибуцию, рыночный обмен и нетоварное производство (домашнее хозяйство — *Haushaltung*), которая была представлена Поланьи.

Другое подразделение экономики, развитое из критики Поланьи, представил французский историк Фернан Бродель. Он разделяет экономику на три сектора. Два сектора — «рыночную экономику» и «капитализм» — он не рассматривает как новые явления, вызванные индустриальной революцией, но как важный структурный признак Европы со времен средневековья. Его классификация, обоснованная и проиллюстрированная историческими материалами, соответствует, по моему мнению, широко используемому сегодня подразделению экономики на «формальный» и «неформальный сектор». Но Бродель упоминает еще третий сектор, а

* Элворт [5, S. 509] считает, что именно включение капиталистической экономики в моральную экономику объясняет ее успех. Можно было бы так же, как мы это делаем ниже, утверждать, что сохранение сферы нетоварного производства вне товарной экономики и вне элвортской венальности является важной предпосылкой для установления капитализма.

именно: «не-экономику, это благодатная почва, на которой возникает рынок, при этом не позволяющая ему проникнуть в целое. С этого все еще властного подполья начинается собственно зона рыночной экономики», т.е. та зона, где многие мелкие производители предлагают свои товары. Однако над ней простирается зона, направленная "против рынка", в которой господствуют изощренный ум и право сильного. Здесь расположена собственно сфера капитализма — вчера как сегодня, до как после индустриальной революции» [6, S. 245f.]. Три броделевских сектора, не-экономики, рыночной экономики и капитализма, таким образом, не представляют собой никаких стадий внутри эволюционной схемы, но существуют одновременно друг с другом в постоянно меняющихся конфигурациях.

Капитализм и национальное государство — это две большие структурирующие силы Нового времени, которые в действительности сформировали все общества, но все же не полностью проникли друг в друга. Широкая сфера не поддается *прямо* влиянию государства и/или капиталистического рынка, и притом не только в странах третьего мира. Наступило ли уже коренное изменение и начинает ли уменьшаться, хотя бы в какой-то степени, роль государства и капиталистического рынка, до сих пор едва ли возможно однозначно доказать эмпирически. Но допустим все же вопрос о том, реализуется ли фактически всеобщее «свободный» наемный труд [7], действительно ли оттесняет формальный сектор неформальный и возможно ли, что нетоварное производство, направленное на удовлетворение собственных потребностей, нелегальный труд и нелегальные сделки повсеместно увеличиваются.

II. Этатистский аспект

Подпольная экономика. Увеличение относительных масштабов экономической деятельности, которая не поддавалась государственному контролю, в особенности сбору налогов, привело в конце 70-х гг. к ряду исследований «subterranean» («подпольной») или «underground economy» в Соединенных Штатах [8]. При этом было отмечено, что неучтенный вклад американской подпольной экономики составляет примерно от 100 до 200 миллиардов долларов. Более новые оценки исходят даже из суммы 563,5 миллиардов долларов на 1980 г. [9, S. 93]. Сходные подсчеты налоговой служащих привели к соответствующим оценкам для Федеративной Республики Германии (на 1980 г. между 3,7% и 27% ВВП), причем здесь в центре дискуссии находился скорее учет нелегального труда.* Следовательно, теневая экономика в широком смысле определяется как нелегальное, не охватываемое и не контролируемое государством экономическое действие. При этом ответственность за увеличение нелегального

*Оценки для ФРГ колеблются в зависимости от методов подсчета между 3,7% и 27%, для Италии — между 10% и 30% и для Великобритании — между 2,5% и 15% валового внутреннего продукта [2, S. 29—30].

труда и неучтенных сделок переносят на налоговое бремя, которое взваливается на предпринимателей и трудящихся социального государства [10, S. 5].

Нелегальную подпольную экономику следовало бы отличать от других легальных форм так называемой теневой экономики, но часто это делается недостаточно четко. Общей для обеих сфер является лишь неэффективность государственного контроля.

Теории дуализма и неформальный сектор. Уже в 30-е гг. Юлиус Герман Беке указывал на сектор тогдашней колониальной экономики, который сопротивлялся проникновению государственной колониальной политики. Так, по его мнению, возникла дуальная экономика, в которой каждый сектор демонстрировал однозначные характеристики. В то время как один, включавший в себя торговые фирмы и крупные предприятия, функционировал по капиталистическим принципам, другой был заполнен мелкими крестьянами и ремесленниками с «восточным менталитетом» [11]. С тех пор появились различные версии теории дуализма как для развивающихся стран, так и для индустриальных обществ [12 и др.]. Самой удачной была при этом концепция «неформального сектора», которая была также применена в различных исследованиях Международной организации труда [13; 14].

В этих исследованиях неформальный сектор определяется как та сфера товарного производства и услуг, которая лишь в незначительной степени поддается государственному контролю и статистическому охвату. «Летающие» торговцы, ремесленные предприятия, обслуживаемые членами одной семьи, рикши, чистильщики обуви и собиратели мусора оцениваются как типичные «профессии» в неформальном секторе.

Между тем понятие «неформального сектора» было взято также для обозначения определенных сфер западного немецкого индустриального общества, хотя при этом не была принята во внимание интернациональная критическая дискуссия, проводившаяся в социологии развития. Зачастую при этом смешивалась деятельность, полностью интегрированная в рыночную экономику, и деятельность, экономически организованная в неформальном секторе посредством денег, с нетоварным производством, ориентированным на потребительную стоимость и на собственное потребление, на котором мы еще остановимся ниже.* Дальнейшую путаницу создают авторы, которые, как Бергер и Вебер-Фойхт [15, S. 13f.] причисляют к неформальному сектору «все виды деятельности, даже начатые самостоятельно на собственный страх и риск, только не на основе трудового договора по директивному праву пользователя рабочей силы». По этому определению к неформальному сектору относились не только все крестьяне и мелкие ремесленные предприятия, но даже иная врачебная и адвокатская практика!

Все попытки применять понятие «неформального сектора» не просто

* Так, например, Шэтткат [2, S. 151 ff.] приравнивает личный труд в частных домохозяйствах к неформальному сектору, а Бергер и Вебер-Фойхт [15, S. 14] включают в него нетоварное производство.

описательно, но установить его связь с теоретическим контекстом и сделать тем самым аналитически пригодным, до сих пор терпели неудачу. Поэтому мы вели речь о социологическом рассмотрении наблюдаемого феномена «неформального сектора» и указывали на то, что «слой незащищенных» пытается посредством использования экономических ниш, посредством мобильности при поиске рабочего места и комбинации различных источников производства и дохода обеспечить свое выживание и воспроизводство [16].* Этим же можно объяснить расширение неформального сектора в периоды кризиса. При растущей безработице в формальном секторе увеличивается социальная незащищенность и слой незащищенных. С другой стороны, это обстоятельство позволяет рассматривать феномен «неформального сектора», который, разумеется, существует всегда, с точки зрения защищенных, т.е. служащих и исследователей высшей школы.

До сих пор еще малоизученными аспектами неформального сектора, рассмотрение которых могло бы привести к объяснению протеста индивидов, работающих в неформальном секторе, являются «жизненный мир», «повседневный опыт» и «моральная экономика» [18; 19]. Исламская революция Аятолла Хомейни, вызванная действиями базарных торговцев в Тегеране, может служить доказательством политического значения неформального сектора.

III. Аспект нетоварного производства

Производство, ориентированное не на рынок. Хотя экономика, в особенности в современных индустриальных обществах, в значительной степени определяется рыночными механизмами или законодательством государства, имеется очень широкая сфера повседневной жизни, которая разворачивается по ту сторону рынка и государства. Поддержание жизни состоит прежде всего из множества видов деятельности для деятеля и его непосредственного социального окружения. Производство для других, в особенности для анонимного рынка, немисливо без этого непосредственного нетоварного производства.**

Производство средств пропитания для собственного потребления определяет аграрное нетоварное производство. Но оно ни в коем случае не ограничено крестьянским сельским хозяйством, а осуществляется также на подсобных участках и небольших огородах городских жителей. Более того, жилое пространство в городах третьего мира по большей части потребляется и воспроизводится в текущий момент самими жителями. Та-

*Критическое замечание Шпигеля [17] о том, что «билефельдский подход» пренебрегал народными массами и классовыми противоречиями, в данном случае кажется необоснованным.

**«Производство для выживания включает разнообразные виды деятельности во всех секторах и их комбинацию между собой... женский домашний труд, мелкое крестьянское производство, мелкое ремесленничество... являются примерами для таких видов деятельности, которые комбинируются членами этих производственных "единиц" (группа родственников, малая семья, индивиды и т.д.) [20, S. 5]».

ким образом, мы имеем здесь дело с формой городского нетоварного производства, при котором владелец дома с членами своего домохозяйства, вообще своей малой семьи, (вос)производит жилое пространство благодаря постоянному неоплачиваемому вложению труда [7, S. 313 ff].*

Но этот вид городского нетоварного производства приводится в действие не только жителями трущоб в развивающихся странах. Так, исследования о рынке услуг в ФРГ показали, что только 23% домохозяйств, которые в 1979 г. модернизировали свой дом, поручили это соответствующей фирме. «Типичным самоделщиком (Selbermacher) является человек не старше 30 лет, служащий или чиновник, живущий со своей семьей в загородном доме» [24, S. 210].

Хотя домашний труд, особенно женский домашний труд, представляет одну из самых важных форм нетоварного производства, ограничивать рассмотрение проблемы одной этой формой слишком рано. Даже в развитых индустриальных обществах такие задачи сообщества, как помощь на праздниках, присмотр за детьми, уход за больными и стариками, помощь соседям при строительстве дома и т.п. играют еще значительную роль. В развивающихся странах значимым дополнением к нетоварному сельскому хозяйству является изготовление утвари, материалов для одежды, сбор топлива, выкапывание колодцев, разведение мелкого домашнего скота, устройство домашних огородов, осушение и орошение, транспортные услуги и строительство дома. Но уже здесь бремя нетоварного производства выпадает в основном на женщин.

Проблемы измерения нетоварного производства. Не случайно, что первые попытки измерения нетоварного производства приходится на период до и во время мирового экономического кризиса 20—30-х гг. XX века. Так, по оценкам Митчелла и др. (1921), неоплачиваемый домашний труд в 1909—1919 гг. составлял от 25% до 31% ВВП Соединенных Штатов. Сходные числа предполагались для скандинавских стран. Ранние оценки в 1953—1954 гг. для Федеративной Республики Германии составляют от 32% до 39% ВВП [25]. В этих ранних исследованиях часы домашнего труда сопоставлялись с зарплатой домашней прислуги. Если же повысить точность исследований, например, учитывать оппортунистические расходы или тарифные зарплаты, тогда соответственно возрастет стоимость домашнего труда. Показатели для США составляют приблизительно 30—60% валового внутреннего продукта в 1976 г. [26, S. 121] и для Западной Германии примерно 38% в 1971 г. [27, S. 187]. С возрастанием политического интереса к проблеме оценочная стоимость также растет. Для Федеративной Республики она составляла тем временем около 68% ВВП, т.е. достигала 1,1 миллиарда немецких марок в 1982 г. Эти оценки возвращают к исследованию семейного бюджета Крюссельберга, Ауге и Хильценбехера, в котором были охвачены различные виды домашней деятельности, сопоставлены с производственным профилем и

*Эта городская «репродукция жилища» и нетоварное производство были исследованы в крупных эмпирических проектах на примере трущоб Ресифе [21], Бангкока [22], Джакарты [23] и Каира [18; 19].

соотнесены с производственными требованиями тарифа федеральных служащих [28; 29].

Экономисты сделали ряд предложений относительно того, как следует измерять и оценивать неоплачиваемый домашний труд [30]. В большинстве исследований, в которых делалась попытка таких измерений труда, применялся метод временного бюджета. Отработанные часы пересчитываются или в теневых ценах с сопоставимыми трудовыми расходами, или в форме оппортунистических расходов, т.е. с учетом потери зарплаты соответствующих членов домохозяйства. Поскольку трудовые расходы в индустриальных странах являются высокими, общая стоимость нетоварного производства (или домашнего труда) также высока. Что касается исследований о развивающихся странах, лишь в немногих из них даются широкие оценки масштабов и роста нетоварного производства, или совокупной теневой экономики.*

Другой метод измерения нетоварного производства предполагает трудоемкий путь учета всех потребленных домохозяйством благ и услуг. При этом следует четко различать, были ли эти услуги выполнены членами домохозяйства или группы, т.е. были ли блага произведены самостоятельно, или они получены через рынок. Только таким путем возможно максимально охватить нетоварное производство. Проблематичной остается оценка потребительских благ и услуг. Нетоварное производство ориентировано именно на потребительскую стоимость и оттого не воспринимает рыночные цены буквально, что становится явным при астрономически высоких производственных расходах на выращивание биологически активных томатов и редиса, которые автор этой работы ежегодно собирает со своего домашнего огорода. Остается один выход: использование теневых цен, которые соответствуют самым низким рыночным ценам и не закладывают в основу затраченного труда оппортунистические расходы. Этот метод был применен в ходе наших исследований в Индонезии, на которых мы остановимся ниже.

Объединение нетоварного и товарного производства. Выживание во многих развивающихся странах зависит от того, на какую комбинацию видов деятельности и источников дохода решаются соответствующие личности и группы [20, S. 5]. Однако и в развитом обществе объединение различных источников дохода и различных форм труда ни в коем случае не является несущественным, что чаще всего упускается из виду в исследованиях. Требование построения альтернативной экономики, сформированное представлениями дуализма, обращало внимание на различие наемного и неоплачиваемого труда, но не на систематическое объединение нетоварного и товарного производства.

Так, Йоханнес Бергер [32, S. 33—48] предлагает рассматривать все обстоятельства, понимаемые под дуальной, теневой экономикой, неформальным сектором и т.д., исходя из перспективы «альтернатив наемному труду», а не государственного учета, но выбрать в качестве исходной точки главную общественную фигуру среди ролей наемного труда. Одна-

* Исключение составляют исследования Фиска о Папуа Новой Гвинее [31].

ко, что представляет собой «наемный рабочий»? Бергер, как и другие, упускает тесную связь между нетоварным и наемным трудом, которая является прямо-таки конституирующей для последнего. Истинным пролетарием, который полностью репродуцируется благодаря оплате своего труда, пожалуй, является еще *яппи* (Young Urban Professional — молодой городской профессионал), который как подающий надежды руководящий служащий покупает себе на обед сэндвич и ужинает в ресторане со своей женой *Ури Frau*, тоже городским профессионалом (она, может быть, биржевой маклер или преподаватель), в то время как домашняя прислуга приводит в порядок квартиру, которую они снимают. Зато нормальный наемный работник репродуцируется благодаря домохозяйке или сам принимает активное участие в нетоварном производстве. В этой связи необходимо учитывать распространение старых рабочих отношений в новой форме, например, издательского производства, частичной занятости или домашнего труда, которые представляют собой оплачиваемый труд в рамках домохозяйства и смешаны с нетоварным производством.

Много обсуждавшееся за последнее время понятие общества труда [33] указывает на то, что среда, жизненный мир и жизненные шансы полностью зависят от деятельности, направленной на получение заработка. Это ни в коем случае не является новой идеей, поскольку с давних пор подтверждается результатами бесчисленных опросов, которые посредством индикаторов социоэкономического статуса делали мерилем всех вещей деятельность, направленную на получение заработка. То, что при этом выпадала остаточная категория «домохозяйка», совершенно неожиданно создало исследователям социоэкономического статуса «головную боль», вызванную тем, что статус домохозяйки было довольно сложно проиндексировать. Но чаще всего в расчет принимался профессиональный статус мужа, из чего не были сделаны необходимые теоретические выводы, а именно, что неоплачиваемый женский домашний труд (*Subsistenzarbeit*) необходим для обеспечения существования работающего мужчины. Наемный труд немыслим без домашнего труда. Тотальный домашний производитель Робинзон Крузо точно так же является литературной фикцией, как Чарли Чаплин в своей роли наемного работника в фильме «Новое время», в котором ему самому еду должна подавать машина.

Как утверждают старые и новые теории модернизации, дуалистическое разделение, использование дихотомии «нетоварная (домашняя)/рыночная экономика» так же неприемлемо, как и обоснованное эволюционно-теоретически учение о переходе к другой экономической системе. Нетоварное и рыночное производства всегда являются тесно связанными, даже в различных пространственно-временных конфигурациях. «Практически не существует такой нетоварной экономики, в которой все то, что произведено, также потребляется производителями. Точно так же не существует рыночной экономики, в которой все блага и услуги распределяются только через рыночные каналы. Никакая экономика и никакое общество не могут функционировать без мелкомасштабного нетоварного (домашнего) производства» [34, S. 29].

С точки зрения мелкого крестьянина или городского жителя трущоб, объединение производства для собственного потребления и производства для рынка является самоочевидным. Французские социальные антропологи (Мейасо, Ж.-П. Ре и др.) уже в 60-х гг. указывали на связь экономики африканских этносов с южно-африканской горнопромышленной экономикой. При этом различались два основных вида этого неравного объединения, а именно «смешанное производство, в котором ведется как простое товарное производство, так и нетоварное, и переход от контекста, определяемого нетоварным производством, в капиталистическое товарное производство» [35, S. 263]. Однако дебаты об объединении способов производства оказались на ложном пути, т.к. не разделенные экономические системы, но одни и те же члены общества участвуют в производстве, ориентируясь как на рыночную, так и на потребительскую стоимость. Не артикуляция способов производства, а объединение различных форм производства внутри одного и того же способа производства, а именно, капиталистического, являются основополагающими для анализа. Полевые исследования показали однако, что связь между нетоварным и товарным производством в социальном отношении может быть организована чрезвычайно комплексно.

Эту комбинацию, или «объединение» деятельностей и источников дохода и ее значение мы по отдельности исследовали в одном крупном опросе представителей более 1000 домохозяйств в Джакарте [ср. 23 и 36]. Наша первоначальная гипотеза, что нетоварное производство приобретает сравнительно больше значения при снижающемся доходе домохозяйства, была подтверждена только отчасти. Фактически домашний труд, хотя он был чрезвычайно необходим для выживания очень бедных домохозяйств, вносил в их домашнее потребление более низкую долю, чем в потребление «более богатых» домохозяйств. Доступ к земле и ресурсам или к «основному оснащению» для домашнего производства, к которому могут относиться, например, швейная машина, плита или велосипед, точно так же важны, как доля членов домохозяйства, занятых наемным трудом в формальном или неформальном секторе.

По сходным причинам совокупная стоимость нетоварного производства увеличивается при растущем доходе домохозяйства, в то время как ее относительная стоимость падает. Или другими словами, наемный труд вносит значительно большую долю в доход домохозяйства, монетарные вложения равным образом предоставляют доступ к ресурсам, которые могут использоваться для нетоварного производства. Однако в отдельных домохозяйствах нетоварное производство является настолько значимым, что основные потребности проживания и пропитания в значительной степени покрываются из этого источника.

Наши исследования групп с низким доходом в городских районах Юго-Восточной Азии показывают, что наемный труд удовлетворяет в целом примерно 50% потребительских нужд среднего домохозяйства, труд в неформальном секторе около — 30% и нетоварное производство — около 20% [22; 23; 36]. Если все-таки исходить из приведенных выше аргументов, не имеет смысла рассматривать три сектора отдельно. Какие

из 64 теоретически возможных комбинаций имеют место и какое объединение трудового участия в формальном, неформальном и домашнем секторе дает возможность обеспечить выживание и удовлетворение основных потребностей?

Если не принимать во внимание незначительные поступления в потребление домохозяйства, то получаются следующие типы объединения:

1. Ф-тип (формальный сектор). Доминирование дохода от наемного труда при низком значении нетоварного производства и отсутствии постоянных доходов из неформального сектора.

2. ФД-тип (формальный и домашний сектор). Большое значение дохода от наемного труда в формальном секторе, который, правда, сочетается со значительным потреблением продуктов нетоварного производства.

3. ФНД-тип (формальный плюс неформальный плюс домашний сектор). При высокой степени объединения значимы все три источника воспроизводства.

4. ФН-тип (формальный и неформальный сектор). Наряду с равным значением постоянных доходов от наемного труда в формальном секторе и деятельности в неформальном секторе незначительным является нетоварное производство. Как и при Ф-типе, доход и расходы домохозяйства в значительной мере производятся через рынок.

5. НД-тип (неформальный и домашний сектор). Неформальный сектор является доминирующим источником дохода, тесно объединенным с нетоварным производством. Наемный труд в формальном секторе осуществляется только спорадически.

Так как достаточно хорошее школьное образование является предпосылкой для определения на работу в формальном секторе, можно найти домохозяйства с более высокой долей хорошо образованных людей при типах объединения Ф и Ф+Н, которые со своей стороны имеют более высокие доходы. Тип Ф с самым высоким уровнем среднего дохода состоит в первую очередь из мелких домохозяйств с молодыми и относительно хорошо образованными личностями, тогда как тип объединения Ф+Н+Д фактически состоит из больших домохозяйств. Самым большим домохозяйствам этого типа с низким образовательным уровнем их членов трудно удовлетворить основные потребности. Они должны пытаться использовать в своей борьбе за выживание все виды труда, включая высокую мощность домашнего труда. Решающим является, как установил в своем исследовании Найроби Нойберт [37, S. 254], использование всех шансов — попытка «сохранить за собой по возможности разнообразные альтернативы действия». Табл. 1 обобщает некоторые результаты исследования.

Впрочем, можно только вести спекулятивные рассуждения о том, как распределяются эти типы объединения от общества к обществу и по времени. В любом случае никоим образом нельзя считать доказанным тот факт, что можно констатировать однозначную тенденцию движения от НД-типа к Ф-типу.

Таблица 1

Типы объединения и средний доход домохозяйств (Джакарта, 1979) [38]

	Ф	Ф + Д	Ф + Н	Ф + Н + Д	Н + Д
Средний доход домохозяйства (Rp. 1000)	127,0	54,4	81,1	59,5	41,6
Домохозяйства за границей бедности (в %)	87	76	75	40	40
Домохозяйства (n = 120) (в %)	7	39	19	3	32

Ф = Доход в основном из формального сектора

Н = Доход в основном из неформального сектора

Д = Доход в основном из домашнего сектора

В крестьянских обществах, экономика которых часто неправильно обозначается как нетоварная (домашняя), также происходит стратегическое объединение действия, ориентированного на рыночную и потребительную стоимость [39]. Так, исследование на венесуэльском Среднем Западе показывает, что так называемые «малоземельные» крестьяне (*campesinos*), которые всегда определяются в литературе как образцовый пример типичной нетоварной (домашней) экономики, тесно связаны с товарной экономикой как благодаря сезонной работе на сахарных плантациях, так и благодаря женскому домашнему труду [40, S. 87—102]. Некоторые оцениваемые именно как изолированные племенные (со)общества, расположенные в отдаленных лесных регионах, например, даяки в Борнео, уже веками тесно связаны с мировой экономикой. Многие пряности и каучук были и сегодня еще остаются продуктами, собираемыми вручную в тропическом лесу.

Тем не менее в некоторых случаях мы видим явное расхождение между производством для собственного потребления и для продажи, как, например, в регионе Чиapas/Рио Гранде в Мехико, обследованном Бенхольдт-Томсен [41]. Нечто подобное сообщает Клаус [42] из Северной Суматры, Индонезия. Все-таки было бы неправильно из-за разделения посевных площадей сделать вывод о разделении нетоварного и товарного производств; «для производителей они неразрывно связаны друг с другом, речь идет о производственном отношении» [41, S. 80].

Половое разделение труда и нетоварное производство. Преобладающая часть домашнего нетоварного производства во всем мире обслуживается женщинами. При этом решающую роль играет самая изначальная и основополагающая форма нетоварного производства, а именно производство человеческой жизни. Что же касается наемного труда, включение в нетоварное производство приводит к двойной нагрузке женщин, которая, с одной стороны, обусловлена иерархической и вирифокальной структурой большинства систем родства и форм семьи, с другой стороны, усиливается из-за увеличения домашнего труда. Хотя квота работающих женщин в Западной Германии за последние сто лет едва ли изменилась, она располагалась в 1880 г. на уровне 53%, в 1984 г. — 56%, но с этого времени произошла значительная секторальная передвижка. Так,

женская занятость в частных домохозяйствах упала с 18% до менее 1% [10, S. 32—33]. Но это означает также, что нетоварное производство превратилось в значительной степени в неоплачиваемый домашний труд. То, что этот идущий во всем мире процесс «превращения в домохозяйек» («Hausfrauisierung») охватил также мужчин, и особенно часто социальное положение домохозяйки занимают безработные мужчины, можно расценивать как иронию истории. Двойная нагрузка на женщин в развивающихся странах также увеличивается вследствие возрождения нетоварного производства, признания современной малой семьи и тем самым домохозяйки — «Hausfrauisierung» [43; 44].

IV. Свет и тени

Возможно, именно в связи с вопросом женского труда и стало понятно, что нетоварное производство и труд в неформальном секторе не являются какими-то маргинальными явлениями экономики и общества, и это звучит уже в названии некоторых новых публикаций.* Напротив, производство, непосредственно направленное на обеспечение выживания, которое начинает с «производства» человеческой жизни, является основополагающим для всякого общества. Дальнейшее существование или даже распространение альтернативных форм экономического действия в «неформальном секторе» указывает также на границы целерациональных систем действия, регулируемых процессами обмена и власти. С точки зрения нетоварных производителей, т.е. действующих в неформальном секторе экономики индивидов, скорее официальная и формальная экономика больших организаций и государственных бюрократий является «теневой экономикой». То, какие стратегии экономического действия там изобретаются и для каких целей они предназначаются, уже давно трудно объяснить «максимизацией прибыли» или с помощью упрощающей переменной теоремы «рационального выбора».

Пер. с нем. И.В. Ивлевой

Литература

1. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
2. Gretschmann K., Heinze R.G., Mettelsiefen B. Schattenwirtschaft. Wirtschafts- und sozialwissenschaftliche Aspekte, internationale Erfahrungen. Goettingen, 1984.
3. Schaefer W. Schattenoekonomie. Theoretische Grundlage und wirtschaftspolitische Konsequenzen. Goettingen, 1984.
4. Polanyi K. The Great Transformation. Frankfurt a.M., 1978.
5. Elwert G. Maerkte, Kaeuflichkeit und Moraloeconomie // Soziologie und gesellschaftliche Entwicklung / Hrsg. B. Lutz. Frankfurt, 1985.
6. Braudel F. Sozialgeschichte des 15.—18. Jahrhunderts. Der Handel, Muenchen, 1986.
7. Evers H.-D., Schiel T. Expropriation der unmittelbaren Produzenten oder Ausdehnung der Subsistenzwirtschaft. Thesen zur baeuerlichen und staedtischen Subsistenzproduktion // Arbeitsgruppe Bielefelder Entwicklungssoziologen. Subsistenzproduktion und Akkumulation. Saarbruecken, 1979.

* Так, в заключении Института экономических исследований «IFO» речь идет о «Полях роста на краю официальной экономики» [10].

8. US Congress: Committee on Ways and Means, Underground Economy. Hearings before the Subcommittee on Oversight. Serial 96-70. Washington, D.C. 1980.
9. Feige E. The Anatomy of the Underground Economy // The Unofficial Economy / Hrsg. S. Alessandrini, B. Dallago. Aldershot, 1987.
10. Heinze J., Schedl H., Vogler-Ludwig K. Wachstumsfelder am Rande der offiziellen Wirtschaft // Ifo-Studien zur Strukturforchung. Bd. 7. Muenchen, 1986.
11. Boeke H.J. Dualism in Colonial Societies // Sociology of South-East Asia. Readings on Social Change and Development / Hrsg. H.-D. Evers. Oxford, 1980.
12. Berger J. et al. Alternativen zur Lohnarbeit. Bielefeld, 1985.
13. Schiel T. Suche nach Sicherheit und Sehnsucht nach Geborgenheit. Dualwirtschaft und informeller Sektor als phanomen und Fiktion // Zeitschrift fuer Soziologie. 1987. № 16.
14. Sethuraman S.V. Towards a Definition of the Informal Sector. Working Paper, World Employment Program. Genf, 1974.
15. Berger J., Weber-Voigt L. Informeller Sektor und Alternative Oekonomie // Arbeitsberichte und Forschungsmaterialien № 1, FSP «Zukunft der Arbeit», Universitaet Bielefeld, Fakultae fuer Soziologie, 1982.
16. Elwert G., Evers H.-D., Wilkens W. Die Suche nach Sicherheit: Kombinierte Produktionsformen im sogenannten informellen Sektor // Zeitschrift fuer Soziologie. 1983. № 12.
17. Spiegel E. Die Wiederentdeckung der «traditionellen Gesellschaft» in der Subsistenzoeconomie. Zu einer neueren Richtung in der «Entwicklungssoziologie» in der BRD // Asien, Afrika, Lateinamerika (Berlin). 1986. № 14.
18. Stauth G. Konfliktpotentiale lokaler Gemeinschaften in peripheren Gesellschaften: Alltagserfahrung und Protestverhalten in Kairoer Slums // Arbeitspapier № 29, FSP Entwicklungssoziologie. Universitaet Bielefeld, 1982.
19. Semsek H.-G. Alltagpraxis und informelles Wirtschaften. Die «dichte Beschreibung» eines Kairoer Stadtviertels // Zeitschrift fuer Soziologie. 1986. № 15.
20. Arbeitsgruppe Bielefelder Entwicklungssoziologen. Forschungskonzeption: Unterentwicklung und Subsistenzproduktion // Arbeitspapier N° 1, Forschungsschwerpunkt Entwicklungssoziologie. Universitaet Bielefeld, 1981.
21. Leben in Armut: Ueberlebensstrategien in brasilianischen Elendsvierteln // Hrsg. J. Augel. Mettingen, 1985.
22. Korff R. Bangkok: Urban System and Everyday Life // Bielefeld Studies in the sociology of Development. Bd. 31. Saarbruecken und Fort Lauderdale, 1986.
23. Evers H.-D. The Contribution of Urban Subsistence Production to Incomes in Jakarta // Bulletin of Indonesian Economic Studies. XVII. № 2. Canberra, 1981.
24. Berekoven L. Der Dienstleistungsmarkt in der Bundesrepublik Deutschland: theoretische Fundierung und empirische Analyse. Goettingen, 1983.
25. Fuerst H. Einkommen, Nachfrage, Produktion und Konsum des privaten Haushalts in der Volkswirtschaft. Stuttgart, 1956.
26. Petersen H.-G. Ursachen und Konsequenzen einer wachsenden Schattenwirtschaft // Staat, Steuern und Finanzausgleich. Festschrift fuer Heinz Kolms. Berlin, 1984.
27. Langfeldt E. Konsequenzen einer wachsenden Schattenwirtschaft fuer die geldpolitische Steuerung in der Bundesrepublik Deutschland // Schaefer W. Schattenoekonomie. Theoretische Grundlage und wirtschaftspolitische Konsequenzen. Goettingen, 1984.
28. Auge M., Hilzenbecher M., Kruesselberg G. Verhaltenshypothesen und Familienzeitbudgets: die Ansatzpunkte der «Neuen Haushaltsoekonomie» fuer Familienpolitik. — Stuttgart [u.a.]: Kohlhammer, 1986.
29. Familienarbeit ist 1,1 Billionen Mark wert // Handelsblatt v. 13./14.2.1987.
30. Goldschmidt-Clermont L. Unpaid Work in the Household. Genf, 1982.
31. Fisk E.K. The Subsistence Component in National Income Accounts // Developing Economies. 1975. № 13.
32. Berger J. An der Grenze der Lohnarbeit. Ist gesellschaftlicher Fortschritt an Beschaeftigungsverhaeltnisse gebunden? // Das pfeifende Schwein / Hrsg. T. Schmidt. Berlin, 1985.
33. Arbeitsgesellschaft // Hrsg. C. Offe. Frankfurt, 1984.

34. Evers H.-D., Clauss W., Wong D. Subsistence Reproduction, A Framework for Analysis // Households and the World of Economy / Hrsg. J. Smith, I. Wallerstein, H.-D. Evers. Beverly Hills, 1984.
35. Elwert G., Wong D. Thesen zum Verhaeltnis von Subsistenzproduktion und Warenproduktion in der Dritten Welt // Arbeitsgruppe Bielefelder Entwicklungssoziologen, Subsistenzproduktion und Akkumulation. Saarbruecken, 1979.
36. Evers H.-D., Betke F., Pitomo S. Die Komplexitaet der Grundbeduerfnisse — eine Untersuchung ueber staedtische Haushalte der untersten Einkommensschichten in Jakarta // Arbeitspapier. № 43. FSP Entwicklungssoziologie. Universitaet Bielefeld, 1983.
37. Neubert D. Staedtische Arme auf der Suche nach Sicherheit und die kenyanische Sozialpolitik // Zeitschrift fuer Soziologie. № 15. 1986.
38. Evers H.-D. Trends in Urban Poverty and Labour Supply Strategies in Jakarta // Trends in Urban Poverty and Labour Market Access / Hrsg. G. Rodgers. Geneva: ILO, erscheint. 1988.
39. Elwert G. Bauern und Staat in Westafrika. Frankfurt, 1983.
40. Werlhof C. Wenn die Bauern wiederkommen: Bauern. Arbeit und Agrobusiness in Venezuela. Bremen, 1985.
41. Bennholdt-Thomsen V. Bauern in Mexiko zwischen Subsistenz- und Warenproduktion. Frankfurt, 1982.
42. Clauss W. Economic and Social Change among the Simalungun Batak of North Sumatra // Bielefelder Studien zur Entwicklungssoziologie. Bd. 15. Saarbruecken. Fort Lauderdale, 1982.
43. Werlhof C., Mies M., Bennholdt-Thomsen V. Frauen, die letzte Kolonie. Reinbek bei Hamburg, 1983.
44. Werlhof C. Neue Formen der Warenproduktion ohne Lohnarbeit // Auf dem Wege zu einer neuen Weltwirtschaftsordnung? / Hrsg. H.-D. Evers, D. Senghaas, H. Wienholtz. Baden-Baden, 1983.